

ОТЗЫВ
официального оппонента Кузьминых Александра Леонидовича
на диссертацию Перевошикова Дмитрия Викторовича
«Иностранные военнопленные в Удмуртии в 1941–1949 гг.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Вторая мировая война и ее последствия до сих пор вызывают повышенный научный и общественный интерес. Диссертационная работа Дмитрия Викторовича Перевошикова посвящена одной из дискуссионных и малоисследованных страниц войны – истории иностранных военнопленных в СССР. Вплоть до конца 1980-х гг. эта тема была практически недоступна для отечественных историков в силу закрытости советских архивов и идеологического табу, наложенного на изучение судеб военнопленных в Советском Союзе. Исключением являлась история антифашистского движения в лагерях для военнопленных в СССР, в частности история образования и деятельности Национального комитета «Свободная Германия». После распада СССР и архивной революции 1990-х гг. история советского плена Второй мировой войны стала одним из динамично разрабатываемых сюжетов мировой и отечественной историографии. В настоящее время библиография проблемы насчитывает десятки документальных сборников, сотни монографий и тысячи статей, раскрывающих различные аспекты пребывания военнопленных и интернированных в СССР.

Несмотря на серьезные достижения в историографии, проблема советского плена в настоящее время не потеряла научной актуальности и гуманитарного значения. Исследование пребывания военнопленных в СССР способствует осмыслению широкого спектра смежных историографических проблем: внешней политики советского государства военного и послевоенного периода, роли лагерного сектора в советской экономике, положения различных категорий спецконтингента, стратегий выживания человека в условиях военной повседневности и т.п. Все это, в конечном счете, благоприятствует воссозданию целостной истории Второй мировой войны, изучению ее влияния на государство, общество и судьбы участников вооруженного противостояния.

Одним из перспективных направлений исследований проблемы военного плена является региональное. Долгое время Удмуртия относилась к числу регионов, представлявших собой «белое пятно» в истории «архипелага ГУПВИ»¹. Однако благодаря диссертации Д.В. Перевошикова ситуация изменилась кардинальным образом.

Объект и предмет, территориальные и хронологические рамки, цель и задачи диссертации определены и сформулированы верно. Вместе с тем, характеризуя объект диссертации, автору следовало пояснить, что статус и режим содержания военнопленных регламентировался не только внутренними советскими нормативно-правовыми актами, в первую очередь, «Положением о военнопленных», утвержденным Советом народным комиссаров СССР 1 июля 1941 г., но и международными конвенциями (Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 27

---

¹ Слово сочетание «Архипелаг ГУПВИ», под которым понимается Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР, было введено в научный оборот австрийским исследователем Стефаном Карнером по аналогии с «Архипелагом ГУЛАГ» А.И. Солженицына.

июля 1929 г., Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.), отношение к которым у Советского Союза было противоречивым и непоследовательным. Достаточно упомянуть, что советское правительство отказалось подписать Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными 1929 г., которая налагала на ее участников многочисленные обязательства в отношении захваченных в плен военнослужащих противника.

Диссертация имеет подробный историографический обзор, раскрывающий проблемное поле исследования. Выясняя степень научной разработанности проблемы, Д.В. Перевошиков вполне обоснованно выделяет два периода в историографии – советский (1940–1980-е гг.) и постсоветский (1990–2010-е гг.). Развитие современной историографии, как справедливо отмечает диссертант, продиктовано расширением методологических подходов и источниковой базы исследований. Судя по историографическому обзору, автор диссертации имеет представление об основных направлениях в отечественной и зарубежной историографии по изучаемой проблеме. Им проанализирован обширный массив публикаций по истории советских учреждений для содержания военнопленных, охарактеризованы основные результаты научного поиска. Отмечая значительные достижения в изучении системы военного плена в СССР, диссертант указывает на существенные лакуны, в первую очередь, недостаточное исследование социально-демографического состава военнопленных, их медицинского обслуживания и трудового использования, организации репатриации (С. 13–14).

Положительно оценивая публикации советских историков, диссертант довольно резко критикует западногерманскую историографию (С. 7–8), обвиняя немецких исследователей Х. Флейшхаккера, К. Бёме, К. Беренса, В. Шварца, В. Ратца – авторов 15-томной «Истории немецких военнопленных Второй мировой войны»² – в создании драматизированной и сфальсифицированной картины положения бывших солдат и офицеров германской армии в СССР. Разумеется, ряд положений этого труда не прошел проверку временем. Вместе с тем, в плане методологии и источниковедения, в условиях недоступности материалов советских архивов, германская историография 1960–1970-х гг. совершила настоящий научный прорыв в исследовании проблемы военного плена, создав уникальный труд, аналога которого до сих пор нет в мировой историографии. К сожалению, лишь единицы российских исследователей обращаются к этому фундаментальному исследованию, в котором содержится ценная информация о положении военнопленных в разных регионах Советского Союза, в том числе и на территории Удмуртии.

Источниковая база диссертации достаточно разнопланова и включает важнейшие виды источников. В ее основу положены документы, выявленные диссертантом в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР), а также архивных отделов местных органов власти и музеев. Кроме того, диссертант использовал материалы документальных сборников по истории военного плена в СССР. Д.В. Перевошиков дал подробный обзор разных видов архивных документов, выявил их информационную ценность. Важным дополнением к архивным материалам в диссертации является периодическая печать, а также источники личного происхождения, в первую очередь,

---

² Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. 22 Bände. München, 1962–1974.

воспоминания. Использование источников личного происхождения позволило диссертанту показать плен глазами непосредственных участников событий.

Методология диссертации соответствует критериям научного исследования. Автор изучает историю военного плена, основываясь на принципах историзма, объективности, всесторонности. В диссертации использовались как общенаучные (анализ, синтез, конкретизация, абстрагирование, аналогия, индукция и дедукция), так и специальные методы исторического исследования (историко-типологический, историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, историко-культурный, историко-проблемный).

Анализ теоретико-методологических основ диссертации позволяет сделать вывод о том, что она выполнена в русле традиционного структурно-функционального подхода, в рамках которого диссертант последовательно раскрыл особенности формирования лагерной инфраструктуры, деятельность разных типов учреждений военного плена, численность и состав лагерного контингента, основные направления работы с ним. При этом институциональные и социокультурные характеристики военного плена отошли на второй план и не получили исчерпывающего научного анализа, хотя соискатель сформулировал их в качестве самостоятельных теоретико-методологических «концептов» исследования (С. 28). Думается, что автору диссертации не стоило излишне усложнять теоретико-методологический арсенал диссертации, так как использованные им методы исследования вполне соответствуют поставленным целям и задачам диссертации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым академическим исследованием, в котором комплексно рассмотрена специфика пребывания иностранных военнопленных на территории Удмуртии в 1941–1949 гг. Теоретическая значимость состоит в изучении региональных особенностей положения военнопленных в СССР на основе нового комплекса исторических источников, что важно для воссоздания целостной истории советского военного плена Второй мировой войны.

Вне всякого сомнения, диссертация имеет большую практическую значимость. Ее положения могут быть использованы для подготовки научных трудов по истории Второй мировой войны и истории региона, а также для создания музейных экспозиций по истории Великой Отечественной войны, мемориализации мест содержания и захоронения военнопленных.

Внимательное ознакомление с содержанием диссертации позволяет сделать вывод, что для нее характерен высокий уровень достоверности полученных результатов. Это обусловлено хорошей репрезентативностью источниковой базы и критическим анализом выявленной в источниках информации. Положения, вынесенные диссертантом на защиту, отличаются убедительностью, содержательностью и научной значимостью.

Структура диссертации обладает внутренним единством и соответствует цели и задачам диссертации. Рукопись диссертации включает введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

Охарактеризуем наиболее важные научные результаты и выводы, сформулированные диссертантом.

В первой главе диссертации раскрыто формирование и функционирование органов и учреждений военного плена на территории Удмуртии. Автор выявил географические, демографические и экономические факторы, обусловившие развер-

тывание лагерей и отдельных рабочих батальонов на территории Удмуртии, установил их дислокацию, ведомственную принадлежность, описал лагерную инфраструктуру, организацию режима и охраны, продовольственного и вещевого снабжения контингента, характер отношений лагерной администрации с руководством предприятий, использовавших труд бывших неприятельских солдат и офицеров.

На основе анализа источников Д.В. Перевощиков выяснил, что первые учреждения для военнопленных были созданы в Удмуртии осенью 1941 года для обеспечения древесиной и торфом местных оборонных предприятий (С. 36). Это означает, что экономические мотивы преобладали в принятии решения об организации лагерей и отдельных рабочих батальонов в том или ином месте.

Характеризуя режим содержания военнопленных, соискатель пришел к выводу, что в первые месяцы пребывания пленных на территории Удмуртии наблюдались значительные сложности в организации их жизнеобеспечения, что объяснялось условиями военного времени и отсутствием опыта у сотрудников НКВД и руководства местных предприятий (С. 78). В дальнейшем, как явствует из текста диссертации, наметилась тенденция к улучшению условий размещения и содержания контингента.

Диссертантом исследована деятельность отдельных рабочих батальонов (ОРБ), которые находились в подчинении Министерства вооруженных сил СССР. История данных подразделений крайне скупо освещена в историографии, поэтому сведения, приводимые Д.В. Перевощиковым, представляют большой научный интерес. Важно подчеркнуть, что при характеристике положения военнопленных в лагерях и рабочих батальонах, автор опирается не только на официальные документы, но и на воспоминания местных жителей, которые сообщают интересные факты о жизни пленных и особенностях их лагерного быта. Реконструируя лагерную повседневность, диссертант приводит факты побегов, конфликтных ситуаций с персоналом предприятий, отношений пленных с советскими женщинами, что позволяет увидеть теневые стороны советского плена.

Дмитрий Викторович установил численность и состав военнопленных на территории Удмуртии. Судя по приведенным им данным, основную массу пленных составляли немцы, румыны, венгры и австрийцы. Всего же, по подсчетам диссертанта, в лагерях, рабочих батальонах и спецгоспиталях, развернутых на территории Удмуртии, находились представители 25 национальностей из более чем 15 государств (С. 90). При этом национальный состав военнопленных пропорционально отражал степень участия европейских стран в войне против Советского Союза.

Соискателем подробно освещены антифашистские и культурно-воспитательные мероприятия в лагерях, формы и методы агитационно-пропагандистской работы. Вполне убедителен вывод о том, что организация досуга в лагерях позволила облегчить тяжелое психологическое состояние военнопленных. На конкретных примерах Д.В. Перевощиков показал эволюцию мировоззрения бывших солдат и офицеров гитлеровской армии. Вместе с тем, автору диссертации следовало бы учесть то обстоятельство, что переход на антифашистские позиции и демонстративная лояльность советской идеологии во многом были следствием конформистской психологии военнопленных, одной из стратегий адаптации и выживания в условиях плена.

В целом, содержание первой главы получилось достаточно «пестрым», так как диссертант включил в нее массу разнообразных аспектов повседневной лагерной жизни, начиная с организации режима и охраны и заканчивая отношениями с мест-

ным населением, которые, вероятно, следовало бы выделить в самостоятельную главу, что позволило бы их изучить более подробно.

Во второй главе диссертации исследовано медицинское обслуживание военнопленных³, которое, как отмечает соискатель, было основополагающим элементом в организации жизнеобеспечения военнопленных. Подчеркнем, что именно уровень заболеваемости и смертности является наиболее объективным показателем реального положения бывших солдат и офицеров противника в советском плену.

Автор диссертации подробно раскрыл деятельность специальных госпиталей для военнопленных в системе Народного комиссариата здравоохранения СССР. Он установил, что спецгоспитали создавались на базе эвакуационных госпиталей для советских военнослужащих и обслуживали пленных на одинаковых с ними основаниях (С. 113), что, свою очередь, свидетельствует о том, что лечению военнопленных уделялось повышенное внимание.

Д.В. Перевощиков пришел к выводу, что состояние поступавшего с фронтов контингента, особенно в завершающий период Сталинградской битвы, было крайне тяжелым. Многие пленные имели ранения, обморожения, тяжелые инфекционные заболевания, были истощены и завшивлены. Именно этим обстоятельством диссертант объясняет высокую смертность пленных после прибытия в места стационарного размещения (С. 116). Важное значение Д.В. Перевощиков придает морально-психологическому аспекту медицинского обслуживания военнопленных. Персоналу спецгоспиталей приходилось прилагать беспримерные усилия, чтобы вернуть жизнь и здоровье бывшим врагам. Это требовало настоящего героизма: диссертант приводит факты, когда врачи и медсестры заражались от больных пациентов сыпным тифом и погибали, мужественно выполняя свой профессиональный долг.

Вместе с тем, исходя из принципа объективности, диссертант также отмечает недостатки в деятельности медучреждений (С. 119, 123). В условиях нехватки врачебного и обслуживающего персонала, как указывает автор, использовались врачи из числа пленных, а выздоровевшие пациенты привлекались к работам по самообслуживанию. В целом, резюмирует Д.В. Перевощиков, в деятельности спецгоспиталей наблюдалась положительная динамика, что проявлялось в сокращении смертности и увеличении количества выздоровевших военнопленных (С. 129, 133).

Динамика смертности, выявленная соискателем, совпадает с данными других исследований⁴: наибольшее количество умерших пришлось на 1943–1945 гг., наименьшее – на послевоенный период. По подсчетам Д.В. Перевощикова, из 17 тыс. военнопленных на территории Удмуртии умерло 3,8 тыс. чел., т.е. 22,3 %. Нужно отметить, что этот показатель выше общесоюзного, который варьируется в пределах 15–17 %⁵. Чем же тогда объяснить более высокий уровень смертности пленных в Удмуртии? Диссертант однозначно отвечает на этот вопрос: массовым поступлением хронически больных и ослабленных пленных из «котлов», длительное пребывание в которых являлось следствием выполнения приказов фюрера о сопротивлении до конца. Поэтому, следуя авторской логике, ответственность за

---

³ Термин «медико-санитарное обеспечение», который использует диссертант (С. 133), представляется некорректным.

⁴ См., напр.: Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). М., 2017. С. 264–265.

⁵ Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 гг.). Вологда, 2016. С. 202–204; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 511–512.

массовую смертность в советском плену несет руководство нацистской Германии и лично А. Гитлер. С этим тезисом можно согласиться, но при этом нужно также учитывать негативное влияние на здоровье обезоруженных вражеских солдат и офицеров факторов плена – тяжелого труда, лагерного быта, психологических проблем, вызванных нахождением в условиях несвободы.

В третьей главе исследованы экономические аспекты военного плена: использование труда пленных, а также выплата материального вознаграждения за труд. Соискателем выявлены отрасли экономики и конкретные объекты, на которых использовался труд обезоруженных неприятельских военнослужащих. В большинстве случаев, как отмечает Д.В. Перевошиков, их труд использовался на низкоквалифицированных, подсобных работах (С. 175, 179–180). При этом эффективность принудительного труда уступала вольнонаемным рабочим (С. 161–162). Положительным моментом третьей главы является наличие таблиц, в которых отражена численность военнопленных, занятых на предприятиях региона.

Довольно любопытным представляется сюжет, связанный с использованием пленных на заводе № 74 в Ижевске, где выпускались автоматы Калашникова. К сожалению, вне сферы рассмотрения диссертанта остался дискуссионный вопрос о вкладе немецких специалистов в разработку этой модели стрелкового оружия. При этом нужно иметь в виду немаловажное обстоятельство: международные конвенции запрещали использовать военнопленных на работах, имеющих отношение к боевым действиям⁶. По утверждению же диссертанта, абсолютное большинство пленных на территории Удмуртии было задействовано на предприятиях Наркомата (Министерства) обороны СССР (С. 181). Получается, что СССР негласно нарушал Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года, официально декларируя приверженность последней (С. 193–194).

Д.В. Перевошиковым детально исследован механизм начисления заработной платы военнопленных. Ему удалось выяснить, что уровень заработка варьировался в зависимости от вида работ и объекта, где работали пленные. Анализ источников позволил диссертанту сделать вывод о том, что общий денежный доход пленных имел тенденцию к росту. Наиболее высокий заработок получали высококвалифицированные специалисты, передовики производства и лица, занимавшие административные и руководящие должности. Благодаря заработанным денежным средствам, пленные имели возможность приобретения дополнительных продуктов питания и товаров, поэтому зарплата являлась эффективным стимулом к труду (С. 189–191).

В заключении диссертации сформулированы итоговые выводы. Автор диссертации констатирует, что размещение бывших солдат и офицеров противника на территории Удмуртии было обусловлено совокупностью природно-географических, демографических и экономических факторов, главными из которых были удаленность от линии фронта, наличие транспортных коммуникаций и природных ископаемых на территории региона, невысокая плотность населения и дефицит трудовых ресурсов (С. 192–193).

Обобщая теорию и практику советского плена, Д.В. Перевошиков приходит к заключению о реализации на территории Удмуртии правил, установленных для содержания пленных, несмотря на трудности военного времени. Используя метод

---

⁶ Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. Статья 6. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конвенция_о_законах_и_обычаях_сухопутной_войны_\(1907\)#Глава_II._О_военнопленных](https://ru.wikisource.org/wiki/Конвенция_о_законах_и_обычаях_сухопутной_войны_(1907)#Глава_II._О_военнопленных) (дата обращения: 22/04/2019)/

сравнительного анализа, автор формулирует итоговый вывод о принципиальной разнице в положении иностранных военнопленных в СССР и советских военнослужащих в нацистском плену (С. 198). И хотя этот тезис является традиционным для большинства исследований по истории советского плена, его констатация имеет большое научное и моральное значение, так как показывает наглядную разницу в сущности советской и нацистской политики в отношении военнопленных в период Великой Отечественной войны.

В качестве доказательства гуманности советского плена автор приводит ностальгию по советскому плену среди бывших военнопленных (С. 202). Заметим, что подобные эмоции были характерны лишь для тех иностранцев, которые, пройдя через советский плен, приобрели добрые чувства к русским людям. Между тем, большая часть узников лагерей ГУПВИ впоследствии критически оценивала опыт советского плена, который для них прочно ассоциировался с лагерной несвободой, матерной лексикой, произволом лагерного начальства, идеологической обработкой, тяжелым трудом, смертью товарищей по нарам, массовым доношением, долгой разлукой с родными и близкими.

Поэтому универсальных «объективных» оценок советского плена, думается, быть не может. По своей природе плен – тяжелое испытание, жизненная драма. Советский плен не был «адам», но не был и «санаторием» для бывших солдат гитлеровской армии и их союзников. Это была суровая расплата за участие в преступной и вероломной войне. Поэтому излишняя глорификация советского плена наносит не меньший ущерб достижению исторической правды об этом явлении, чем его чрезмерная драматизация.

В приложениях к диссертации содержатся планы и схемы дислокации лагерей, а также фотографии, показывающие современное состояние мест расположения лагерей, кладбищ и зданий, построенных пленными. Наличие визуальных источников позволяет наглядно увидеть уникальные артефакты, связанные с пребыванием военнопленных в Удмуртии.

Отмечая несомненные достоинства диссертации Д.В. Перевощикова, следует высказать ряд замечаний, которые касаются терминологии, историографии, источниковой базы, аргументации отдельных выводов и оформления диссертации.

1. В тексте диссертации и автореферате диссертант применительно к военнопленным (фактически в качестве аналога) использует термин спецконтингент. Вместе с тем, в документации органов НКВД-МВД и в современной историографии⁷ термин «спецконтингент» имеет гораздо более широкое значение; охватывая всех лиц, лишенных свободы и находившихся под режимом и надзором (заключенных, спецпоселенцев, трудармейцев, узников проверочно-фильтрационных лагерей и т.д.). Поэтому отождествлять понятия «военнопленные» и «спецконтингент» с точки зрения формальной логики и исторического содержания неправомерно, хотя, разумеется, военнопленные являлись одной из категорий спецконтингента.

2. Анализируя современную историографию, автор полемизирует с «некоторыми» или «отдельными» исследователями советского военного плена, фамилии которых он не называет, обвиняя их в драматизации положения военнопленных в

---

⁷ Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) / А.Б. Суслов. М.: РОССПЭН, 2010. 424 с.; Бикметов Р.С. Спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса в 1930-е – середине 1950-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 344 с.; Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в создании и наращивании экономического потенциала Кузбасса в конце 1920-х – второй половине 1950-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2011. 604 с.

СССР и даже прямой фальсификации исторических фактов (С. 12–13, 16, 25). В этом случае диссертанту следовало бы привести конкретные факты из конкретных работ, а не ограничиваться голословными утверждениями.

В историографическом обзоре диссертант, вероятно по причине ограниченного объема диссертации, обошел вниманием труды известных российских исследователей советского плена и интернирования (А.Э. Гурьянов, Е.Л. Катасонова, Н.С. Лебедева, П.М. Полян, С.Г. Сидоров, М.В. Ходяков), а также их коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья (М. Джусты, С. Карнер, Г.К. Кокебаева, А. Леманн, А.В. Потыльчак, Д. Фролов, А. Хильгер, А.С. Чайковский, А.В. Шарков), которые внесли значительный вклад в изучение проблемы иностранных военнопленных в СССР. Хочется пожелать автору, чтобы в своих будущих исследованиях он больше внимания уделял новейшей историографии военного плена, в первую очередь, зарубежной.

3. В диссертации не получила научного анализа деятельность отдела по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) республиканского НКВД-МВД, который выполнял функции по управлению и контролю за деятельностью территориальных учреждений. Кроме того, диссертант обошел вниманием вопросы, связанные с привлечением военнопленных к судебной ответственности, проведением среди них оперативно-следственных мероприятий. Вероятно, это связано с трудностями получения доступа к документам, содержащим такого рода информацию, которые, как правило, находятся на хранении в ведомственных архивах МВД и ФСБ. Возможность доступа к соответствующей документации позволила бы автору создать более полную картину пребывания пленных в регионе.

4. Несмотря на основательную аргументированность большинства положений диссертации, некоторые выводы автора представляются не вполне убедительными и обоснованными. В частности, на С. 54, характеризуя организацию продовольственного обеспечения в лагерях, он указывает, что вероятность хищения продуктов, предназначенных для питания военнопленных, была низкой. Вместе с тем, Д.В. Перевошиков неоднократно упоминает факты воровства в лагерях, причем относит их исключительно на счет военнопленных, которые, по его словам, проявляли «свойственную для жителей Западной Европы предприимчивость» (С. 56–57). Возлагать всю вину за похищенное на иностранцев представляется не вполне корректным. В лагерях существовал своеобразный «черный рынок», в который были вовлечены и военнопленные, и лагерный персонал, и местное население. Факты об этом также приводятся в диссертации (С. 57–58, 71–72, 129). Судя по материалам оперативных аппаратов лагерей ГУПВИ, деятельность преступных групп или отдельных сотрудников, расхищавших лагерное имущество, наносила государству серьезный материальный ущерб, поэтому борьба с хищениями являлась одним из важнейших направлений в деятельности лагерей⁸.

В главе о медико-санитарном обслуживании военнопленных диссертант утверждает, что медицинскому персоналу лагерных лазаретов и спецгоспиталей удалось справиться со **всеми** заболеваниями военнопленных, включая такие хронические болезни, как дистрофия, пеллагра, туберкулез и др. (С. 195). Этому тезису противоречит приводимая в диссертации информация о том, что, например, в

---

⁸ См., напр.: Кузьминых А.Л. Борьба с хищениями в лагерях НКВД-МВД для военнопленных в 1940-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Актуальные проблемы управления и экономики: история и современность: материалы научной конференции (г. Вологда, 31 марта – 1 апреля 2006 г.). – Вологда: Издательство «Легия», 2006. С. 254–262.

спецгоспитале № 3779 в 1947–1948 гг. удавалось восстановить здоровье только 20–40 % пациентов из числа пленных (С. 129). Основная же масса больных и дистрофиков, судя по всему, репатриировалась на родину, так как использовать их на объектах народного хозяйства не представлялось возможным.

Приведенное в заключении диссертации утверждение о том, что в пунктах содержания военнопленных, расположенных в Удмуртии, «не было зарегистрировано ни одного случая широкомасштабной эпидемии» (С. 196) также опровергается приведенными в диссертации фактами о массовой эпидемии сыпного тифа среди поступивших из сталинградского котла пленных, жертвами которой стали не только пленные, но и медицинские работники (С. 116).

5. К сожалению, в тексте и приложениях отсутствуют таблицы или диаграммы с анализом обобщенных и систематизированных статистических сведений о различных направлениях деятельности учреждений военного плена. В первую очередь, речь идет о динамике движения и составе военнопленных на территории Удмуртии, уровне их заболеваемости и смертности, производственной деятельности лагерей. Подобные приложения не только бы усилили эмпирическую базу диссертации, но и оказали бы будущим исследователям неоценимую помощь в разработке истории плена на региональном уровне.

Некоторые технические погрешности имеются в оформлении списка использованных источников и литературы. Например, в перечне архивных фондов автор не указывает использованные дела, из-за чего не вполне ясно, какой объем документов проработал диссертант – весь фонд или одно дело. В списке литературы диссертационные исследования включены в раздел «Монографии, статьи, сборники статей», а монография А.С. Бланка «Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов 1943–1945 гг.» оказалась в категории воспоминаний (С. 211).

Разумеется, высказанные замечания носят рекомендательный характер и не снижают общей положительной оценки диссертации Д.В. Перевошикова. Диссертант подготовил завершенное, самостоятельное научное исследование, глубоко и всесторонне раскрывающее историю пребывания иностранных военнопленных на территории Удмуртии в военные и послевоенные годы. Соискатель показал себя как серьезный и вдумчивый исследователь, успешно решил все задачи, поставленные им в диссертации, ввел в научный оборот новый комплекс архивных документов, на основе анализа конкретно-исторического материала сформулировал оригинальные выводы и обобщения, внося тем самым существенный вклад в изучение истории иностранных военнопленных в СССР.

Диссертация написана научным языком, отличается хорошим стилем и ясностью изложения. Соискатель дает ссылки на авторов и источник, откуда он заимствует информацию или отдельные результаты.

Автореферат соответствует структуре и отражает основные положения диссертационного исследования.

Проблематика и основные выводы диссертация полностью соответствуют следующим пунктам Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история: 5. История международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития; 8. Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития.

Выводы и результаты диссертации отражены в 13 научных статьях, 10 из которых опубликованы в журналах из списка рекомендованных Высшей аттестаци-

ной комиссией. Тематика и география публикаций соискателя позволяет говорить о качественной апробации исследовательских гипотез и выводов. Научный проект Дмитрия Викторовича Перевощикова «Иностранные военнопленные в Удмуртии (1941–1949 гг.): численность, состав, размещение, трудовое использование, медицинское обслуживание» был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований, что также свидетельствует о высокой научной актуальности и значимости диссертации.

Таким образом, диссертация Дмитрия Викторовича Перевощикова «Иностранные военнопленные в Удмуртии в 1941–1949 гг.» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней», а Перевощиков Дмитрий Викторович заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
профессор кафедры философии и истории
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор исторических наук, доцент

— А.Л. Кузьминых

6 мая 2019 года

ФИО оппонента: Кузьминых Александр Леонидович
Место работы: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»
Почтовый адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2.
Раб. тел.: (8172) 53-01-73; (8172) 51-82-49
E-mail: kfi.vipe@mail.ru; istorial@mail.ru